

Россия Петра I: обретение великодержавности

П.А. Кротов

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Статья посвящена вопросу изменения международно-правового статуса России во время правления Петра Великого. Цель статьи состоит в том, чтобы выяснить, когда и каким образом произошло международно-правовое оформление перехода России от статуса региональной державы Евразии к статусу великой державы. По итогам исследования автор приходит к выводу, что Полтавская победа над шведской армией (1709) показала, что Россия создала необходимый для великодержавного статуса военно-промышленный потенциал. Царь постепенно готовил условия для провозглашения России империей, а себя – императором. Признание европейскими государствами принятого Петром I титула императора (1721) не может быть главным критерием определения времени превращения России в великую державу, так как процесс признания императорского титула затянулся на несколько десятилетий. Великодержавное положение России и её новая роль в международных отношениях были равнозначно и своевременно отражены в договорах между ведущими государствами Европы. Изучение международных договоров России с Францией, Австрией, Пруссией, Речью Посполитой, Швецией, Китаем, Османской империей и Крымским ханством показало, что впервые новая роль России в качестве великой державы была закреплена в Амстердамском трактате (1717) между Россией, Францией и Пруссией, согласно которому Россия стала одним из гарантов общеевропейской договорной системы, закрепившей итоги войны за испанское наследство (1701/1702-1714). Следующий договор, имевший подобное значение для утверждения великодержавной роли России в Европе, был подписан в Вене 26 июля (6 августа) 1726 г. с другой великой державой – Австрией. Система договоров, в которую входила, Россия в последние годы правления Петра Великого существенно отличалась от той, которая была в начале его царствования. По Ништадтскому договору (1721) Россия стала гарантом нового внутригосударственного устройства Швеции (которая перестала быть абсолютистским государством) и даже гарантом прав на престол короля Фредрика I (статья 7-я). В союзном оборонительном договоре со Швецией (22 февраля 1724 г.) была закреплена договорённость обеих стран быть гарантами внутривосточного устройства Речи Посполитой. Исследование договоров России с другими странами в конце правления Петра Великого позволяет сделать вывод, что они были одними из опорных конструкций системы международных отношений Европы, что говорит о приобретении Россией статуса великой европейской державы.

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 11.11.2021

Принята к публикации: 02.12.2021

Ключевые слова: Россия как великая держава, Пётр Великий, императорский титул, Амстердамский договор (1717)

Поднимаемая в статье проблема качественного изменения положения России в системе международных отношений, скачка от роли значимой региональной державы на востоке европейского континента и в Азии до статуса одной из великих держав Европы и политически актуальна, и научно значима. Вопрос о том, является ли Россия в международных отношениях сверхдержавой, великой или региональной державой с учётом исторической ретроспективы служит предметом исследований, в том числе историков (Neumann 2005: 13). Историк Б.Н. Миронов справедливо, на взгляд автора, обращает внимание на то, что непризнание западными государствами великодержавной роли России как империи в Евразии в конце правления Петра Великого «до смешного напоминает усилия современных США понизить статус России как великой державы до статуса региональной державы» (Миронов 2015: 645). Любопытно, что иногда в научной литературе выдвигается важный тезис, но автор не озадачивает себя приведением каких-то аргументов, фактов, цифр в защиту выдвинутой мысли. Ф.К. Шнейд, для образца, делает довольно странное, по моему мнению, утверждение, что Россия оказалась полностью вовлечённой в общеевропейскую политику и военные конфликты начиная только со времени Семилетней войны (1756–1763) (Schneid 2012: 7).

Критерий современной великодержавности чёткий и определённый – постоянное членство государства в Совете Безопасности ООН с правом вето. Для времени же Петра Великого, вообще для конца XVII и XVIII столетий вопрос критериев великодержавности, времени оформления (или утраты) великодержавного статуса странами составляет предмет дискуссий, требующий углублённого анализа.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, когда и каким образом Россия совершила качественный скачок в своём международно-правовом статусе: от державы регионального значения к великой державе Европы, и в чём это выразилось.

Историографический обзор научной литературы

В отечественной историографии последних десятилетий изучение вопроса о времени приобретения Россией статуса великой европейской державы отличается чёткой постановкой проблемы, исследовательских вопросов, нацеленным поиском критериев великодержавного статуса и анализом положения России именно в системах международных отношений.

Статус России как региональной державы накануне правления Петра I выпукло очерчен историком международных отношений Л.А. Никифоровым:

«Но вплоть до начала XVIII в., до Петра I, сфера участия России в европейских международных отношениях ограничивалась соседними странами Восточной и Юго-Восточной Европы – Польшей, Швецией и вассалом Османской империи – Крымским ханством. Участия в делах западноевропейских Россия не принимала, а её политические контакты со странами Западной Европы были эпизодическими. Правительства западноевропейских стран в свою очередь принимали в расчёт силы и возможности России только в тех случаях, когда дело касалось пограничных с Россией государств – Польши, Швеции и в конце XVII в. Турции» (Никифоров 1973: 9–10). Вывод Л.А. Никифорова подтверждён и в сравнительно недавнем фундаментальном монографическом исследовании К.А. Кочегарова: «Детальный анализ внешней политики России ... не подтверждает тезиса советской историографии о якобы значительной и весомой роли России на международной арене в 1680-е гг. и в частности, о способности русской дипломатии повлиять на ослабление французско-габсбургских противоречий. Такое утверждение было бы правомерно, по крайней мере, со времени Полтавской битвы» (Кочегаров 2008: 469).

Перспективное направление для исследований обозначил выдающийся историк международных отношений Г.А. Некрасов. Оговорив некоторую нечёткость самого понятия и определений «великая держава» и «великодержавство» («великодержавие») применительно к XVIII столетию, он высказался, что под «великими державами» этого исторического периода он понимает «наиболее крупные европейские государства, игравшие ведущую роль в международных отношениях» (Некрасов 1972: 381). Главное же состояло в том, что историк обратил внимание на то, что «приобретение ранга великой державы находило тогда своё юридическое отражение в международных актах и соглашениях, официально признанных ведущими государствами Европы и содержащих определённые договорённости о титулатуре и этикете» (Некрасов 1972: 381). Историк заключил, что поэтому и признание императорского титула за российскими монархами и России империей «имеет непосредственное отношение к международно-правовому оформлению российского великодержавия» (Некрасов 1972: 381). Г.А. Некрасов сделал ещё один важный вывод: на момент заключения Ништадтского мирного договора (1721) к великим державам в Европе следует отнести такие страны как Австрия, Великобритания, Россия и Франция; великодержавный же статус Пруссии оформился, по мнению историка, позднее – в 40-х годах XVIII столетия (Некрасов 1972: 381). Автор статьи согласен с заключением глубокого знатока международных отношений, но с тем исключением, что в XVIII столетии следует считать в числе великих держав также и Османскую империю.

Г.А. Некрасов, приведя даты признания императорского титула за русскими самодержцами после принятия Петром I титулов Великого, Отца Отечества и императора Всероссийского (22.10.1721) рядом иностранных государств, пришёл к выводу, что «императорский титул давался иностранными правительствами неохотно и под большим нажимом», что «юридическое признание Рос-

сийской империи на международной арене ... затянулось надолго» (Некрасов 1972: 387, 388). Однако историк не произвёл поиска других возможных критериев положения России как великой державы.

Большой вклад в изучение процесса приобретения Россией великодержавного положения при Петре I внёс В.Е. Возгрин. Согласно работам этого историка, в заключавшихся с западными державами союзах накануне Великого посольства (1697–1698) Россия «большим весом не пользовалась, о её лидирующей позиции не могло быть и речи» (Возгрин 1986: 280). Но уже во время Великого посольства, когда были заложены основы сильной коалиции против Швеции, «региональная политика России сменяется общеевропейской, глобальной», то есть, как сделал вывод В.Е. Возгрин, «задолго до Полтавы» (Возгрин 1986: 280).

Тему становления России в качестве великой державы при Петре I рассматривал также и Г.А. Санин. Он развивал мысли предшественников и сделал следующий вывод: «Полтавская победа 27 июня 1709 г. положила начало превращению России в великую европейскую державу» (Санин 1998: 35).

В своей работе автор опирается на мысль Г. А. Некрасова, что ранг великой державы, одного из наиболее мощных в военно-политическом отношении государств мира, игравшего структурообразующую роль в международных отношениях, должен был отражаться в международных договорах и иных правовых актах, признававших официально одной или несколькими великими державами Европы. Изучив совокупность договоров петровской России с иностранными державами, автор сделал вывод, что впервые в международном договорном праве Европы роль России как великой державы оформил Амстердамский союзный оборонительный договор между Россией, Францией и Пруссией от 4(15) августа 1717 г. В этом договоре Россия впервые выступила как гарант Утрехтского (1713) и Баденского (1714) договоров, которые завершили войну за Испанское наследство (1701/1702–1714). В результате автор пришёл к выводу, что «постоянно растущий авторитет России в международных делах достиг, таким образом, качественно новой ступени (гарант общеевропейской стабильности), получившей международно-правовое признание со стороны одной из великих держав – Франции. Амстердамский договор также оформил в международном праве политическую интеграцию России в систему общеевропейских политических отношений, попутно в договоре Франция впервые признала за русским монархом титул «величества», уравнивавший его правовое положение в отношении титулатуры с французским королём» (Кротов 1998: 117). Ранее автор также высказывал убеждение, что вторично в общеевропейскую договорную систему в качестве великой державы Россию включил подписанный в Вене 26 июля (6 августа) 1726 г. союзный оборонительный и наступательный трактат с Австрией, которым обе договаривавшиеся стороны взаимно гарантировали границы. Австрия же присоединилась к российско-шведским Ништадтскому трактату 1721 г. и союзному оборонительному российско-шведскому договору

1724 г. Таким путём Россия вторично вводилась в общеевропейский «концерт» в качестве одного из краеугольных камней, одной из несущих конструкций системы международных соглашений (Кротов 1998: 117–118).

Несмотря на успешное продвижение исследовательского процесса, к настоящему времени вопросы о времени становления России в качестве великой державы, о международно-правовом оформлении её в качестве великой державы остаются предметом споров и нуждаются в продолжении изучения.

Положение Российского государства в международной договорной системе к началу Великой Северной войны

В начале правления Петра I основой стабильного положения страны были мирные договоры с соседними государствами: вечный мир со Швецией (21.6(1.7).1661), Бахчисарайский договор с Османской империей и Крымским ханством (3(13).1.1681), вечный мир с Речью Посполитой (26.4.(6.5)1686) и Нерчинский договор с Империей Цин (27.8(6.9).1689). По ним фиксировались либо подтверждались границы между странами.

Подписанием Кардисского вечного мира со Швецией Россия предотвратила возможность одновременной войны против Швеции и Речи Посполитой, но уступила все завоевания в Прибалтике, полученные в ходе войны 1656–1658 гг. и не возвратила выхода к Балтийскому морю. Бахчисарайское перемирие по итогам войны 1672–1681 гг. остановило натиск на российские границы с юга. Военная машина Османской империи забуксовала на рубеже Днепра при осаде Чигирина (1677). Мощь Османской империи тем самым была перенаправлена на запад, и в 1683 г. турецкими войсками осаждалась уже столица Священной Римской империи Вена (пусть и неудачно). Историческое значение Бахчисарайского мирного договора состоит в том, что был положен территориальный предел турецкой экспансии против Российского государства. По утверждённой границе земли к северу от Днепра и Киев оставались за Россией. Вечный мир с Речью Посполитой закрепил за Россией Смоленские земли, Левобережную Украину и Киев. Нерчинский договор с Империей Цин, по которому Россия уступила Албазин и отказалась от территорий к северу от Амура, обеспечил мирное освоение огромных пространств Сибири на протяжении около полутора столетий, установив границу страны с Китаем по Аргуни и Становому хребту до Охотского моря. Таким образом, Россия ко времени начала правления Петра I была «региональной державой», отжатой внутрь Евразии соседними мощными и крупными по площади государствами, которая не имела сил для решения задач получения выходов к побережьям Балтийского и Чёрного морей, столь необходимых для развития экономики и повышения внешнеполитического веса.

Внешнеполитический курс, взятый державою Петра I, отличался явным новаторством. Старинная идея «собирания русских земель» – исторического наследия Древней Руси, как главная задача единого Русского государства, по

словам польского историка А. Новака, сменилась при царе-преобразователе «задачей более амбициозной – России войти в Европу» (Krokosz P. 2020: 39), а по моему мнению, главную идею государственного строительства и внешней политики Петра I можно сформулировать в обобщённом виде так – превратить Московскую Русь в империю Всероссийскую, в великую державу – неотъемлемую часть европейской системы международных отношений (Кротов 2018 : 8, 24).

По результатам Великой Северной войны (1700–1721) Россия обрела широкий доступ к Балтийскому морю, основала на его берегах новую столицу, создала сильный военно-морской флот и прочно вошла в европейскую межгосударственную договорную систему. Каковы самые главные вехи продвижения страны по пути к великодержавному статусу?

Россия Петра I на пути к великодержавному статусу (1709–1717)

Итак, по мнению автора, время приобретения Россией великодержавного статуса, начало её качественно новой роли в межгосударственных отношениях Европы следует искать, анализируя содержание договоров, заключавшихся страной с иностранными державами.

Решительный разгром шведской армии под Полтавой, пленение её остатков на Днепре, бегство короля Карла XII в пределы Турции изменили соотношение сил в Европе. Историк Г. А. Санин высказался так: «После Полтавы Россия вступает на долгий и сложный путь превращения в великую державу, то есть в такую державу, позиция которой оказывала порой решающее влияние на развитие международной ситуации» (Санин 1998: 40). Сразу же после Полтавской победы был восстановлен направленный против Швеции Северный союз. В октябре 1709 г. Пётр I подписал союзный наступательный договор с Августом II, королём Польши и курфюрстом Саксонии¹, присоединился к тройственному оборонительному датско-саксонско-прусскому союзному трактату от 15 июля 1709 г.². Наступательный и оборонительный трактат с Данией 22 октября того же года заключил русский посол в Копенгагене В.Л. Долгоруков³. В.Е. Возгрин пришёл к выводу: «... в послеполтавский период обращают на себя внимание русские политические инициативы, более свойственные великим державам, чем странам, серьёзно ущемлённым в своих международно-правовых интересах, борющимся за «место под солнцем». Ранее политические цели Петра I касались прежде всего неотложных, самых актуальных нужд страны, которую он вверг в чрезвычайно сложную внешне- и внутривнутриполитическую ситуацию: он удержи-

¹ *Письма и бумаги императора Петра Великого*. 1950. Т. 9, вып. 1. Москва, Ленинград: издательство АН СССР. С. 400–407.

² *Письма и бумаги императора Петра Великого*. 1950. Т. 9, вып. 1. Москва, Ленинград: издательство АН СССР. С. 420–425.

³ *Письма и бумаги императора Петра Великого*. 1950. Т. 9, вып. 1. Москва, Ленинград: издательство АН СССР. С. 496–502.

вал партнёров по Северному союзу, которые стремились его покинуть, пытался передать свои войска в качестве вспомогательных для приобретения воинского опыта, торговался из-за субсидий, шёл на всё, чтобы отвести удары противника от своих войск, сталкивая с ним союзников, домогался, несмотря на унижительные отказы, принятия России в Высокий союз ... » (Возгрин 1986: 271).

В.Е. Возгрин заключил, что в 1709–1710 гг. российская «политика окончательно становится политикой великой державы Нового времени» (Возгрин 1986: 281). Однако историк полагал, что «до первых актов, свидетельствующих о международном признании её в ранге великой державы, оставалось ещё около 10 лет» (Возгрин 1986: 271).

На наш взгляд, пожалуй, главной (пусть и скрытой) причиной учреждения Сената в 1711 г. был расчёт царя, что после задуманной впечатляющей победы над Османской империей в 1711 г. или позднее именно Сенат должен был поднести ему титул императора, подобно тому, как это сделал Римский сенат после военных побед Юлию Цезарю в 46 г. до н.э. Об этом он, естественно, не мог написать в указе об учреждении этого высшего учреждения (Кротов 2018: 592). «Триумфа» на Пруте, как известно, у Петра I в 1711 г. не получилось. На мой взгляд, подробно обосновывавшийся в предыдущих исследованиях, именно деятельность Юлия Цезаря, Александра Македонского и римского императора Константина служила для царя Петра I главными образцами при строительстве империи (Кротов 2013: 5; 2017: 26). Не случилось запланированного завершения войны со Швецией и в 1714 г., когда царь думал осуществить российско-датский план совместных действий соединённого флота от Ревеля (ныне Таллин), высадки союзного десанта у шведской приморской крепости Карлскруны и захвата военно-морского флота Шведского королевства в этой гавани. 23 февраля 1714 г. усилиями посла В.Л. Долгорукова и присланного в Копенгаген генерал-адъютанта царя П.И. Ягужинского с датским королём Фредериком IV был согласован проект договора, по которому датский флот должен был соединиться с российским у Ревеля и далее совместными усилиями следовало «атаковать порт Карлискронской и разорить флот швецкой» – статья 1-я договора (Кротов 2013: 62). Царь двинулся с флотом в море на следующий день после объявления Санкт-Петербурга в качестве «царствующаго града», которое совершенно не случайно произошло в день апостола Иоанна Богослова 8 (19) мая 1714 г. («царствующий град» приобрёл ещё одного небесного покровителя). Создание новой столицы (подобно Александру Македонскому и римскому императору Константину Великому) составляло, по мнению автора, другую важнейшую часть концепции правления монарха. Объявить о переносе столицы царь решился только в ожидании завершения войны в том же 1714 г.⁴. Итогом кампании 1714 г. стала

⁴ Во избежание ненужных внешнеполитических осложнений объявление Санкт-Петербурга «царствующим градом» 8 (19) мая 1714 г. было явно осознанно сделано в «малозаметной» форме, но весомо и уверенно – на титульном листе главного ежегодного официального российского издания «Календарь или месяцеслов» на 1714 г.

не победа над шведским флотом в генеральной баталии (подобной Полтавской на суше), но захват царём в качестве контр-адмирала (шаутбенахта) в итоге упорного сражения при полуострове Гангут 27 июля шхерного отряда шведского контр-адмирала Н. Эреншёльда. Как следствие, в 1714 г. Швецию не удалось принудить к заключению выгодного России мирного договора. По этой причине Сенат поднёс Петру I, победителю в морской баталии, во время триумфа на Неве 9 сентября 1714 г. не титул императора, а только следующий военно-морской чин вице-адмирала (Кротов 2013: 62, 192, 211, 214, 228, 236). Путь к провозглашению страны империей, к превращению её в признанную великую державу, как видно, не шёл для царя по самым благоприятным сценариям развития событий, но Пётр I неуклонно двигался к поставленной цели, преодолевая трудности и временами терпя неудачи. Поднесение российскому монарху Сенатом «именем всего Всероссийского государства подданных» титулов Великого, Отца Отечества и императора Всероссийского произошло только по итогам победы России над Швецией в войне 1700–1721 гг. 22 октября 1721 г.⁵

Итак, Полтавская виктория показала, что Россия набрала необходимый для великодержавного статуса военно-экономический потенциал, но победный гром российских пушек на Полтавском поле не означал международно-правового оформления новой роли страны в международных отношениях.

После победы под Полтавой фиксируется пусть ещё очень осторожная, но неустанная работа российского правительства над продвижением признания императорского титула за Петром I со стороны правителей Европы. Договор о браке племянницы царя Анны Иоанновны и герцога Курляндии Фридриха Вильгельма, подписанный в Санкт-Петербурге 10 (21) июня 1710 г., был заключён от имени «царя и императора Всероссийского» (Czaar und Imperator von Aller Rußland)⁶.

Российской стороне важно было закрепить договором установившуюся с середины XVI столетия, со времени возобновления политических связей между Россией и Англией, практику неуклонного употребления императорского титула правителями Англии (а затем Великобритании), одной из великих держав Европы, по отношению к монархам России⁷. Для решения этой задачи был использован торжественный приём, устроенный в Грановитой палате Московского кремля 5 (16) февраля 1710 г. чрезвычайному великобританскому послу

⁵ *Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого)*. 2004. Вып. 1. Сост. Т. С. Майкова. Москва: Кругъ. 632 с. С. 536-539.

⁶ *Российский государственный архив древних актов. Ф. 156 (Исторические и церемониальные дела). Оп. 1. Д. 12. Л. 2*; Договор бракосочетания царевны Анны Иоанновны с герцогом Курляндским Фридрихом Вильгельмом. 10 июня 1710 г. URL: <http://romanovy.rusarchives.ru/anna-ioannovna/dogovor-brakosochetaniya-carevny-anny-ioannovny-s-gercogom-kurlyandskim-fridrihom> (дата обращения: 12.12.2021).

⁷ Исключением является краткий отрезок времени при короле Карле II (1660–1685), который в грамотах начиная с 1681 г. вместо императорского титула стал употреблять такой: «Lord Tzar and Great Duke» (Бантыш-Каменский Н. Н. 1803. Историческое показание о российско-императорском титуле. *Научно-исследовательский отдел рукописей БАН*. Санкт-Петербург. 12.4.18 нов. Л. 6–7).

Ч. Уитворту. Порядок церемонии, в ходе которой это должно было произойти, подробно обсуждался во время переговоров британского посла с самим царём, канцлером Г.И. Головкиным, подканцлером П.П. Шафировым и другими дипломатами. В произнесённой в Грановитой палате сначала по-английски речи Ч. Уитворт десять раз упомянул, обращаясь к Петру I, титул «Его цесарское Величество». Затем речь была прочитана по-немецки для иностранного дипломатического корпуса, потом по-русски. Во вручённой затем Ч. Уитвортом российскому монарху грамоте королевы Анны I от 15 августа 1709 г. императорский титул употреблялся 22 раза. На совещании 9 февраля 1710 г. в доме канцлера Г.И. Головкина было документально закреплено, что британская сторона и впредь будет неукоснительно применять в обращении к российским монархам титул императора (Кротов. Признание ... 2017: 176, 184). Пётр I же обязался вместо титула «Аглинское Величество» употреблять в грамотах титул «Великобританское Величество» (Никифоров 1950: 62).

Высоко поднявшая престиж России, её монарха, её вооружённых сил, Полтавская победа создала условия и для установления связей родства и свойства с представителями правящих домов Европы. Такие связи тоже закрепляли «вхождение» страны в качестве неотъемлемой части в европейскую систему международных отношений. Сын царя Алексей, наследник престола, заключил статусный брак (1711) с Шарлоттой Кристиной Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской, сестра которой Елизавета-Кристина была супругой австрийского императора Карла VI (1711-1740). Попытка сватать дочь Петра Великого Елизавету за короля Франции Людовика XV не увенчалась успехом. Однако старшая дочь Петра Великого Анна при жизни монарха была стоворена (1724) и в 1725 г. сочеталась браком с его королевским высочеством Швеции Карлом Фридрихом, герцогом Гольштейн-Готторпским, племянником бывшего короля Швеции Карла XII и вероятным кандидатом на шведский трон после смерти короля Фредрика I (1720-1751), который не имел законных детей. Племянницы Петра I были выданы замуж за правителей небольших немецких государств, которые по своему географическому положению были важны для России, и эти браки также закрепляли качественно более тесное внедрение России в общеевропейскую систему международных отношений. Анна Ивановна стала супругой герцога Курляндии (1710), Екатерина Ивановна венчалась с герцогом Мекленбург-Шверинским (1716).

Желание монархов ключевых европейских держав установить свойство с Петром I свидетельствовало о том же: после виктории при Полтаве Россия вступила в «клуб» реальных великих держав, вершивших дела Европы. В 1715 г. великобританский король Георг I в грамоте царю выказал готовность стать крёстным отцом его дочери Маргариты, умершей в младенчестве. Соглашался быть крёстным отцом Маргариты и император Священной Римской империи Карл VI. 29 ноября 1715 г. Георг I благодарил царя за выбор его в качестве воспитанника от купели (заочного) сына царя Петра Петровича (1715-1719) (Болотина 2015: 720).

Но в международном договорном праве новая роль России как великой державы, способной оказывать в ряде случаев решающее влияние на дела континента, впервые была закреплена именно в Амстердамском договоре (4(15).8.1717) между Россией, Францией и Пруссией. В этом договоре с одной из великих держав – Францией (Пруссия – более слабое государство; она играла вспомогательную роль), была закреплена принципиально новая роль России как гаранта европейской системы межгосударственных отношений, сложившейся после заключения Вестфальского мира 1648 г. (Кротов 1998: 114, 119). Г.А. Санин высоко оценил значение Амстердамского договора. Он писал, что Гавельсбергское соглашение между Петром I и королём Пруссии (5(16).11.1716), поездка царя во Францию (1717) и Амстердамский трактат нейтрализовали враждебную политику Великобритании и Нидерландов: «Создавалась новая ситуация, в которой Россия выступала уже как влиятельная политическая сила. Место её в Европе определялось внушительными успехами в Северной войне» (Санин 1998: 45).

Три державы, заключившие союз, имели военно-промышленный потенциал, составлявший почти половину общеевропейского. Россия по штатам 1711 г. располагала регулярной армией в составе 171 тыс. чел., а в 1715 г. к Ревелю были выведены 20 линейных кораблей (Кротов 2017: 476); во Франции в самом начале правления Людовика XV (1715–1774) численность армии была определена в 133 тыс. чел. (Colin, Reboul 1925: 490) и в 1715 г. имелось 40 боеспособных линейных кораблей (Lacour-Gayet 1902: 21); Прусское королевство в июне 1715 г. имело 45,7 тыс. чел. в армии (без артиллерии), в мае 1720 г. – 56,6 тыс. (Janу 1928: 659, 660). Такая великая держава как Австрия, не располагавшая флотом, имела, для сравнения, по списку в 1715 г. 145,5 тыс. чел. в профессиональных войсках⁸. Иными словами, Россия, Франция и Пруссия в 1717 г. могли при желании заставить коллективными действиями остальные державы континента уважать своё мнение.

Место России как великой державы в межгосударственной договорной системе на завершающем этапе правления Петра Великого

Система договоров, в которую входила Россия в последние годы правления Петра Великого, существенно отличалась от той, которая существовала тогда, когда он пришёл к власти.

По Ништадтскому трактату Россия фиксировалась гарантом нового внутригосударственного устройства Швеции (переставшей быть абсолютистским государством после гибели в 1718 г. короля Карла XII), гарантом так называемой

⁸ Ведомость численности личного состава австрийской армии на 27 февраля 1715 г. *Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Д. 25. Л. 430–431.*

«эры свобод», аристократического правления, в Швеции и даже гарантом прав на престол правившего тогда короля Фредрика I (статья 7-я) (Никифоров 1959: 481-482). Слишком крупная перемена по сравнению со временем начала Великой Северной войны! Швеция, таким образом, оказывалась в зависимости от Российской империи по самым существенным вопросам своего государственного устройства.

По союзному оборонительному трактату со Швецией (22 февраля 1724 г.) обе страны договорились быть гарантами внутривнутриполитического устройства Речи Посполитой (2-й «секретный артикул»), её шляхетских вольностей, права части шляхты на вооружённую борьбу против избранного неудобного короля, отсутствия права передачи польского трона по наследству и т. д. (Некрасов 1964: 124-126). Это означало, что Речь Посполитая под бдительным присмотром России (Швеции же объективно теперь нужна была сильная Польша в качестве противовеса великодержавной России) будет всё более и более превращаться эволюционным путём из субъекта международных отношений лишь в объект интересов иностранных держав.

На южных границах краеугольным камнем положения России в системе международных отношений стал Константинопольский договор (12 июня 1724 г.) с Османской империей. Его подписание явилось логическим следствием успехов русского оружия на Каспийском море. Обе великие державы перешли к ситуативному стратегическому партнёрству, разграничив новоприобретённые владения и сферы влияния в Закавказье и прикаспийских областях и присоединив значительные территории Персии, пребывавшей в положении усобиц и государственного распада. Оговаривалось обязательство российского монарха «с общего согласия с Высокою Портою действовать» в персидских делах⁹.

Международное признание императорского титула – важная часть международно-правового оформления статуса России как великой державы

Следует согласиться с тем, что новый имперский статус Российского государства отражался (хоть и с запозданием) в постепенном признании иностранными государствами России империей. В существующей литературе процесс признания императорского титула за российскими монархами изложен весьма неполно (в этой статье тоже не ставилась задача изложить его во всех деталях, но он показан более подробно).

Череду международно-правовых признаний императорского титула Петра Великого открыл герцог Гольштейн-Готторпа Карл Фридрих. Он был единственным иностранным главой государства, участвовавшим в торжестве по случаю

⁹ Полное собрание законов Российской империи. 1830. Т. 7. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии. С. 303–308.

провозглашения Российской империи. Непосредственно после выхода российского монарха из соборной церкви Пресвятой Троицы в Санкт-Петербурге герцог принёс свои поздравления¹⁰. Все грамоты герцога Гольштейн-Готторпа в дальнейшем содержали новый титул¹¹. Он присутствовал в том числе в договоре о браке Карла Фридриха с дочерью Петра Великого Анной от 24 ноября 1724 г.¹².

26 октября 1721 г. из Коллегии иностранных дел был разослан официальным российским дипломатическим представителям за границей рескрипт, днём ранее просмотренный императором, предписывавший «прилагать ... старание», чтобы российскому монарху «неотменно давали» торжественно принятый им титул императора. Рескрипт отослали российским дипломатам к императорскому двору в Австрию, во Францию, Нидерланды, Пруссию, Речь Посполитую, Данию и Гамбург, Венецию, Гданьск (Данциг), Мекленбургское герцогство (Агеева 2014: 54).

Волна дипломатических признаний нового статуса российского монарха покатила по Европе. Одним из первых признать императорский титул Петра Великого согласился король Пруссии Фридрих Вильгельм I. В ноябре 1721 г. он заявил о согласии использовать титул императора в официальных отношениях. Впервые этот титул прусский король употребил в поздравительной грамоте от 10 декабря 1721 г. Грамота венецианского дожа Иоанна Корнелия с императорским титулом Петра Великого была подписана 21 декабря (н. ст.) 1721 г. Сразу же императорский титул был признан Пармским герцогством. Делегация Генеральных штатов Нидерландов торжественно объявила российскому чрезвычайному и полномочному послу в Гааге Б.И. Куракину 27 апреля 1722 г., что «их высокоочия по особливому почтению взяли резолюцию признать Его Величество в титуле императора Всероссийского, и оной титул впредь давать». Депутаты Генеральных штатов Нидерландов 24 апреля того года постановили, что «они впредь Его Царскому Величеству титул цесаря Всероссийского и Его Царского Величества давать будут» (Агеева 2014: 59, 61). 25 мая 1722 г. Генеральные Штаты Нидерландов подготовили первую грамоту, содержащую императорский титул Петра I. Примечательно, что в этой же грамоте содержалось обращение к Петру Великому с просьбой об ответной любезности – выплатить 46 000 ефимков (иоакимс-талеров) за сожжённые вблизи гавани Гельсингфорса по недоразумению пять голландских больших торговых судов (флейтов). В мае же 1722 г. согласилась с императорским титулом русского самодержца Женевская республика (Агеева 2014: 60-61). Король Швеции Фредрик I подписал грамоту

¹⁰ *История Свейской войны (Подённая записка Петра Великого)*. 2004. Вып. 1. Сост. Т. С. Майкова. Москва: Кругъ. 632 с. С. 539-540.

¹¹ Бантыш-Каменский Н. Н. 1803. *Историческое показание о российско-императорском титуле*. Л. 108.

¹² Мартенс Ф.Ф. 1880. *Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россиею с иностранными державами*. Т. 5. Санкт-Петербург: тип. Министерства путей сообщения. с. 215.

о признании императорского титула Петра Великого не без грустного юмора 8 июля 1723 года (ст. ст.), т. е. в годовщину Полтавской битвы (если бы дата в грамоте была по новому стилю) (Кротов 2018: 620). 3 февраля 1724 г. в Санкт-Петербурге датский посланник Г.Г. Вестфален объявил, что ему предписано титуловать российского монарха императором (Некрасов 1964: 227).

Волна признаний шла и по иным городам и странам Европы. Гданьск поспешил признать титул в грамоте от 30 декабря 1721 г., герцог Мекленбурга Карл Леопольд – в грамоте от 3 января 1722 г., вольный город Любек – в грамотах начиная с 17 марта 1722 г., магистрат Гамбурга после непродолжительных отговорок о необходимости дожидаться признания титула Венским двором – в грамоте от 27 апреля 1722 г.¹³ Ряд государственных образований Священной Римской империи, однако, не слишком торопились с признанием новой международно-правовой реальности. Гессен-Кассельский ландграф Карл прислал в Санкт-Петербург генерал-майора Витгенау, который в день рождения Петра Великого 30 мая 1724 г. поздравил его «с заключённым с Швециею славным миром и с принятием императорского титула», брауншвейгский герцог Людовик Рудольф в грамоте от 15 декабря 1724 г. обращался к российскому монарху как к «Его Императорскому Величеству, императору России». Магистрат вольного города Бремена только в грамоте с поздравлением Екатерины I с вступлением на престол от 5 апреля 1725 г. назвал её императрицей Всероссийскою¹⁴. Торжественное же признание российского императорского титула от всех курфюрстов, графов «и разных чинов» Священной Римской империи последовало лишь в сентябре 1745 г. на имперском съезде во Франкфурте-на-Майне¹⁵.

Тем не менее немало европейских государств обострённо восприняли провозглашение России империей и всемерно уклонялись от признания нового статуса России. Посол германского императора С.В. Кинский, чтобы уклониться от сложностей с титулованием особы русского монарха, покинул Россию в июне 1722 г. без отпускной аудиенции, воспользовавшись отъездом Петра Великого в Персидский поход (Флоровский 1972: 392, 396). Австрия решилась признать российский императорский титул только 8 июля 1742 г.¹⁶ в сложнейших для страны обстоятельствах лишь после того, как австрийский монарх королева Мария Терезия утратила титул императора, а баварский курфюрст был избран германским императором под именем Карла VII. Франция же сделала это ещё позже – только в 1744/1745 гг. Как доносил русский посланник во Франции Г. Гросс Елизавете Петровне весной 1744 г.: «... двор французский титул императорский даром признавать не хочет» (Черкасов 2010: 96), – французы ожи-

¹³ Бантыш-Каменский Н. Н. *Историческое показание о российско-императорском титуле*. Л. 109–111.

¹⁴ Там же. Л. 107, 108, 110.

¹⁵ Там же. Л. 111–112.

¹⁶ Мартенс Ф.Ф. 1874. *Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами*. Т. 1. Санкт-Петербург: тип. Министерства путей сообщения. С. 129.

дали ни много ни мало разворота внешней политики России от ориентации на союзные отношения с Австрией и Великобританией на союзы с Францией и Пруссией. 10 ноября 1744 г. в Санкт-Петербург прибыл полномочный министр и посланник шевалье д'Алион. В его верительной грамоте имелось обращение от имени Людовика XV к «Елизавете Первой, императрице и самодержице Всероссийской». (Черкасов 2010: 98). За несколько дней до первой аудиенции у императрицы 2 марта 1745 г. великий канцлер А.П. Бестужев-Рюмин сообщал в Париж Г. Гроссу, что шевалье д'Алион представил копию верительной грамоты и надписи на конверте: «... с нашей полной титулатурой и сходно с нашим требованием находится, и, следовательно, бывшее в допуске его к нам затруднение ... тем снято» (Черкасов 2010: 98). О признании императорского титула российских монархов Османской империей в 1741 г. имеется интересная запись в «Журнале жизни и службы» князя М. Н. Волконского (1713–1788), пребывавшего в свите посольства А. И. Румянцева в Стамбул (1740–1741): «26 августа. Были мы у везиря, и Порты признала роси[й]ских монархов за императоров, и титул оной окордовала¹⁷ вечно»¹⁸.

Длительное время не желали признавать императорский титул правителей России короли Испании. В грамотах испанского короля Карла II царям Иоанну и Петру Алексеевичам (1687, 1688) содержался императорский титул¹⁹, но в дальнейшем лишь грамота, помеченная 23 сентября 1759 г., отправленная от имени короля Карла III, снова придавала российской правительнице Елизавете Петровне титул императрицы, что и положило начало его постоянному употреблению по отношению к российским монархам (Волосюк 1997: 23, 45, 49).

* * *

Проделанный анализ позволяет сделать вывод о существенной перемене в международном статусе страны при Петре I Великом: от положения региональной державы, выдавленной вглубь континента и отрезанной от морей сильными соседями, закрепившими это положение договорами, к положению великой державы, образывавшей каркас системы международных отношений в Европе и Закавказье (на основании обладания прикаспийскими провинциями) и имеющей закреплённую в международном договоре (Амстердамский трактат 1717 г.) с великой державой (Франция) роль гаранта появившейся после завершения войны за испанское наследство Утрехтской системы международных отношений.

Приведённые данные о борьбе России за международно-правовое признание её империей, за признание российских монархов императорами (наиболее

¹⁷ Акордовать (окордовать) – 1. согласиться на что-либо; 2. даровать, пожаловать.

¹⁸ Волконский М. Н. Журнал жизни и службы. *Отдел письменных источников ГИМ (Москва)*. Ф. 145 (Прозоровские – Голицыны). Оп. 2. Ед. 105. Л. 26 об.

¹⁹ Бантыш-Каменский Н. Н. *Историческое показание о российско-императорском титуле*. Л. 8.

подробные в существующей историографии) показали вторичность этого критерия для определения времени получения страной статуса великой державы. Этот процесс слишком растянулся и не отражал установившейся реальной роли России в делах Европы – роли гаранта Утрехтско-Ништадтской европейской договорной системы. Иностранные субъекты международных отношений нередко требовали от России за акт признания конкретных уступок, затягивая фиксацию свершившегося. Российская империя, составлявшая уже несколько десятилетий наряду с другими великими державами каркас системы международных отношений Европы, только в первой половине 1740-х гг. получила признание имперского статуса со стороны таких великих держав континента, как Австрия, Франция и Османская империя.

Великодержавность России, её новая роль в международных отношениях, нашли равнозначное и своевременное отражение в первую очередь в договорах между ведущими государствами Европы. Великодержавная роль России была закреплена в заключённых ею международных договорах с уже имевшими такой статус державами Францией (1717) и Австрией (1726). Военно-промышленный же и людской потенциал участвовавших в этих союзах Прусского королевства (1717) и Швеции (1726) был недостаточен для великодержавной роли этих государств в Европе.

Об авторе:

Павел Александрович Кротов – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времён до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. 199034. Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.
E-mail: pav_krotov.naval@mail.ru ; p.krotov@spbu.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: November 11, 2021
Accepted: December 12, 2021

Russia of Peter I: Gaining Great Power Status

P.A. Krotov
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-30-48](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-6-81-30-48)

Saint Petersburg State University, Russia

Abstract: The article focuses on the issue of the international status of Russia during the reign of Peter the Great, which progressed from regional power in Eurasia to great power. It seeks to establish when and how Russia officially became a great power. The Poltava victory over the Swedish army (1709) showed that Russia had created the military-industrial potential necessary for great power. The tsar gradually prepared the conditions for the proclamation of Russia as an empire and himself as an emperor. Arguably, the recognition of the title by the European states cannot be the main criterion for determining the time of Russia's transformation into a great power because recognizing the imperial title dragged on for several decades. The great power position of Russia and its new role in international relations began to find its reflection in the treaties between the leading European powers before the official recognition as an empire. International treaties of Russia with France, Austria, Prussia, Rzeczpospolita, Sweden, China, the Ottoman Empire and the Crimean Khanate show that for the first time, the new role of Russia as a great power, as the guarantor of the common European contractual system after the War of the Spanish Succession (1701 / 1702-1714) was enshrined in the Amsterdam Treaty (1717), which was concluded between Russia, France, and Prussia. The subsequent treaty, which had a similar significance for the assertion of the great power role of Russia in Europe, was signed in Vienna on July 26 (August 6), 1726, with another great power - Austria. The system of treaties that Russia was part of in the last years of the reign of Peter the Great was strikingly different from the one that was at the beginning of the reign. According to the Treaty of Nystad, Russia was registered as the guarantor of the new internal state structure of Sweden (which ceased to be an absolutist state) and even the guarantor of the rights to the throne of King Fredrik I (Article 7). Under the allied defense treaty with Sweden (February 22, 1724), both countries agreed to be the guarantors of the internal political structure of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The analysis of documents allows us to make a general conclusion that the treaties of Russia with other countries at the end of the reign of Peter the Great were one of the pillars of the system of international relations in Europe, which signified that Russia acquired new great power status.

Keywords: Russia as a great power, Peter the Great, imperial title, Treaty of Amsterdam (1717)

About the author:

Pavel A. Krotov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia from Ancient Times to the 20th Century, Institute of History, St. Petersburg State University. 199034. Russia, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5.
E-mail: pav_krotov.naval@mail.ru; p.krotov@spbu.ru

Conflict of interest:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Neumann I. 2005. Russia as a Great Power. *Russia as a Great Power: Dimensions a Security Under Putin*. Ed. by Jacob Hedenskog, Vilhelm Konnander, Bertil Nygren, Ingmar Oldberg, Christer Pursiainen. London, New York: Routledge Taylor and Francis Group. P. 13-28.

Schneid F. C. 2012. Introduction. *The Projection and Limitations of Imperial Powers, 1618–1850*. Ed. by Fredrick C. Schneid. Leiden, Boston: Publisher BRILL. P. 1-11.

Colin J., Reboul F. 1925. *Histoire de la nation française* [History of the French Nation]. Paris: Plon-Nourrit et Cie. 7(1). 591 p. (In French)

Jany C. 1928. *Geschichte der königlich preussischen Armée bis zum Jahre 1807. Bd. 1: Von den Anfängen bis 1740* [History of the Royal Prussian Army up to 1807. Vol. 1: From the beginning to 1740]. Berlin: Verlag von K. Siegmund. VIII, 834 p. (In German)

Krokosz P. 2020. Armia Piotra I gwarantem mocarstwowej pozycji Rosji w Europie [The Army of Peter I as a Guarantor of Russia's Superpower Position in Europe]. *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 55(1). P. 9-49. (In Polish)

Lacour-Gayet G. 1902. *La Marine militaire de la France sous le Règne de Louis XV* [The Military Navy of France under the Reign of Louis XV]. Paris: Champion. X. 571 p. (In French).

Kochegarov K.A. 2008. *Rech' Pospolitaya i Rossiya v 1680-1686 gg. Zaklyucheniye dogovora o vechnom mire* [Rzeczpospolita and Russia in the Years 1680-1686. Conclusion of a Treaty for Eternal Peace]. Moscow: Indrik. 504 p. (In Russian)

Ageyeva O.G. 2014. Imperatorskiy titul v Rossii i Gollandiya v trudakh N. N. Bantysh-Kamenskogo [Imperial Title in Russia and Holland in the Works of N.N.Bantysh-Kamensky]. *Rossiya – Niderlandy. Dialog kul'tur v yevropeyskom prostranstve: Materialy V Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa* [Russia-Netherlands. Dialogue of cultures in the European space: materials of the V International Peter's Congress]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Yevropeyskiy dom». P. 53-62. (In Russian)

Bolotina N.Yu. 2015. Gramoty angliyskikh monarkhov Petru I v sobranii Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov [Diplomas of the English Monarchs to Peter I in the Collection of the Russian State Archive of Ancient Acts]. *Rossiya – Velikobritaniya: Pyat' vekov kul'turnykh svyazey. Materialy VI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa*. [Russia – Great Britain: Five Centuries of Cultural Ties. Materials of the Sixth International Petrine Congress]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Yevropeyskiy dom». P. 715-723. (In Russian).

Cherkasov P.P. 2010. *Yelizaveta Petrovna i Lyudovik XV. Russko-frantsuzskiy otnosheniya 1741–1762* [Elizaveta Petrovna and Louis XV. Russian-French Relations 1741-1762]. Moscow: Tovarischestvo nauchnykh izdaniy KMK. 375 p. (In Russian)

Florovskiy A.V. 1972. Stranitsa istorii russko-avstriyskikh diplomaticheskikh otnosheniy XVIII v [A Page in the History of Russian-Austrian Diplomatic Relations in the 18th Century]. In: *Feodal'naya Rossiya vo vsemirno-istoricheskom protsesse. Sb. statey, posvyashchennyy L.V. Cherepninu* [Feudal Russia in the World Historical Process. Collection of Articles Dedicated to L.V. Cherepnin]. Ed. By Guber A., Druzhinin M., Nechkina M., Gorskaya N., Pashuto V., Shtrange M. Moscow: Nauka. P. 389-397. (In Russian)

Krotov P.A. 1998. *Mezhdunarodno-pravovoye oformleniye Rossii kak velikoy derzhavy v pervoy treti XVIII v. (k postanovke voprosa)* [International Legal Registration of Russia as a Great Power in the First Third of the 18th Century (to the Formulation of the Question)]. *Rossiyskaya monarkhiya: voprosy istorii i teorii. Mezhvuzovskiy sbornik statey, posvyashchennyy 450-letiyu tsarstva v Rossii (1547–1997 gg.)* Voronezh: Izdatel'stvo «Istoki». P. 114–119. (In Russian)

Krotov P.A. 2013. *Gangut: srazheniye i korabli* [Gangut: Battle and Ships]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Galeya Print». 326 p. (In Russian)

Krotov P.A. 2017. Priznaniye imperatorskogo titula Petra I Velikobritaniyey v kontekste mezhdunarodno-pravovogo oformleniya velikoderzhavnogo polozheniya Rossii [Recognition of the Imperial Title of Peter I by Great Britain in the Context of the International Legal Registration of the Great-Power Position of Russia]. *Sbornik v chest' V. K. Ziborova (Opyty po istochnikovedeniyu. Vyp. 5)* Saint-Petersburg: Skriptorium. P. 176–184. (In Russian)

Krotov P.A. 2017. *Rossiyskiy flot na Baltike pri Petre Velikom* [Russian Fleet in the Baltic under Peter the Great]. Saint-Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya. 744 p. (In Russian)

Krotov P.A. 2018. *Poltavskaya bitva. Perelomnoye srazheniye russkoy istorii* [Battle of Poltava. A Turning Point in Russian History]. Moscow: Yauza-katalog: Yakor'. 640 p. (In Russian)

Mironov B.N. 2015. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [Russian Empire: From Traditions to Modernity: in 3 Volumes]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin. Vol. 3. 992 p. (In Russian).

Nekrasov G.A. 1964. *Russko-shvedskiye otnosheniya i politika velikikh derzhav v 1721–1726 gg* [Russian-Swedish Relations and the Politics of the Great Powers in 1721–1726]. Moscow: Nauka. 277 p. (In Russian)

Nekrasov G.A. 1972. Mezhdunarodnoye priznaniye rossiyskogo velikoderzhaviya v XVIII v. [International recognition of Russian Great Power in the 18th Century]. *Feodal'naya Rossiya vo vsemirno-istoricheskoy protsesse. Sb. statey, posvyashchenny L.V. Cherepninu* Ed. By Guber A., Druzhinin M., Nechkina M., Gorskaya N., Pashuto V., Shtrange M. Moscow: Nauka. P. 381–388. (In Russian)

Nikiforov L.A. 1950. *Russko-angliyskiye otnosheniya pri Petre I* [Russian-English Relations under Peter I]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury. 279 p. (In Russian)

Nikiforov L.A. 1959. *Vneshnyaya politika Rossii v posledniye gody Severnoy voyny. Nishtadtskiy mir.* [Russia's Foreign Policy in the Last Years of the Northern War. Nystadt peace]. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk, 498 p.

Nikiforov L.A. 1973. Rossiya v sisteme yevropeyskikh derzhav v pervoy chetverti XVIII v. [Russia in the System of European Powers in the First Quarter of the 18th Century]. *Rossiya v period reform Petra I*. Edited by Pavlenko N.I. Moscow: Nauka. P. 9–39. (In Russian)

Sanin G.A. 1998. Stanovleniye velikoy derzhavy [Formation of a Great Power]. *Istoriya vneshney politiki Rossii: Ot Severnoy voyny do voyn Rossii protiv Napoleona. XVIII vek.* Ed. by Ponomarev V.N., Sanin G.A. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. P. 34–48. (In Russian)

Volosyuk O.V. 1997. *Ispaniya i rossiyskaya diplomatiya v XVIII v.* [Spain and Russian Diplomacy in the 18th Century]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. 199 p. (In Russian)

Vozgrin V.Ye. 1986. *Rossiya i yevropeyskiye strany v gody Severnoy voyny (istoriya diplomaticheskikh otnosheniy v 1697–1710 gg.)* [Russia and European Countries during the Northern War (History of Diplomatic Relations in 1697–1710)]. Leningrad: Nauka. 296 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Агеева О. Г. 2014. Императорский титул в России и Голландия в трудах Н.Н. Бантыш-Каменского. *Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного петровского конгресса.* Санкт-Петербург. С. 53–62.

Болотина Н.Ю. 2015. Грамоты английских монархов Петру I в собрании Российского государственного архива древних актов. *Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 г.* Санкт-Петербург: Издательство «Европейский дом». С. 715–723.

Возгрин В.Е. 1986. *Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.)*. Ленинград: Наука. 296 с.

Волосюк О.В. 1997. *Испания и российская дипломатия в XVIII в.* Москва: Издательство Российского университета дружбы народов. 199 с.

Кочегаров К.А. 2008. *Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о вечном мире*. Москва: Индрик. 504 с.

Кротов П.А. 1998. Международно-правовое оформление России как великой державы в первой трети XVIII в. (к постановке вопроса). *Российская монархия: вопросы истории и теории. Межвузовский сборник статей, посвящённый 450-летию царства в России (1547–1997 гг.)*. Воронеж: Издательство «Истоки». С. 114–119.

Кротов П.А. 2013. *Гангут: сражение и корабли*. Санкт-Петербург: Издательство «Галея Принт». 326 с.

Кротов П.А. 2017. Признание императорского титула Петра I Великобританией в контексте международно-правового оформления великодержавного положения России *Сборник в честь В. К. Зиборова (Опыты по источниковедению. Вып. 5)*. Санкт-Петербург: Скрипториум. С. 176–184.

Кротов П.А. 2017. *Российский флот на Балтике при Петре Великом*. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация. 744 с.

Кротов П.А. 2018. *Полтавская битва. Переломное сражение русской истории*. Москва: Яуза-каталог: Якорь. 640 с.

Миронов Б.Н. 2015. *Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т.* / Б. Н. Миронов. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. Т. 3. 992 с.

Некрасов Г.А. 1964. *Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг.* Москва: Наука. 277 с.

Некрасов Г.А. 1972. Международное признание российского великодержавия в XVIII в. *Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвящённый Л. В. Черепнину*. Под ред. Губера А., Дружинина М., Нечкиной М., Горской Н., Пашуто В., Штранге М. Москва: Наука. С. 381–388.

Никифоров Л.А. 1950. *Русско-английские отношения при Петре I*. Москва: Государственное издательство политической литературы. 279 с.

Никифоров Л.А. 1959. *Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир*. Москва: издательство Академии наук, 498 с.

Никифоров Л.А. 1973. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. *Россия в период реформ Петра I*. Под ред. Павленко Н. И. Москва: Наука. С. 9–39.

Санин Г.А. 1998. Становление великой державы. *История внешней политики России: От Северной войны до войн России против Наполеона. XVIII век. (от Северной войны до войн России против Наполеона)*. Под ред. Понмарёва В.Н., Санина Г. А. Москва: Международные отношения. С. 34–48.

Флоровский А.В. 1972. Страница истории русско-австрийских дипломатических отношений XVIII в. *Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвящённый Л. В. Черепнину*. Под ред. Губера А., Дружинина М., Нечкиной М., Горской Н., Пашуто В., Штранге М. Москва: Наука. С. 389–397.

Черкасов П.П. 2010. *Елизавета Петровна и Людовик XV. Русско-французские отношения 1741–1762*. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 375 с.